

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

г. Москва

8 СЕН

ПО «Авангард» УИМ 1024—50 000

ТОЛСТОЙ в нашей жизни... Вернее, Толстой в моей жизни. Потому что я не могу говорить как социолог, литературовед, критик или исследователь его творчества. Буду вести разговор так: что мог получить актер от гения Толстого.

На всю жизнь я был потрясен слышанной мною в раннем детстве басней-притчей о дедушке и внуке. Помните, дедушку отсадили отдельно от всех в угол, потому что он громко чавкает, неряшливо ест, а он стар, и руки у него трясутся, и он роняет пищу, пронося ее мимо рта. А родители увидели, что его внучек тоже сидит в углу и что-то мастерит. На вопрос родителей, что он там делает, мальчик отвечает, что мастерит лоханку, из которой будет кормить их, когда они состарятся. Так ребенок по-своему, по-детски наказывает своих родителей за их несправедливость, а вместе с тем преподносит нравственный урок всем взрослым.

Громадное художественное впечатление от этой притчи-басни по-особому оживало в разные периоды моей жизни, и особенно тогда, когда сам я стал старым.

Я всегда мечтал читать прозу Толстого, у каждого из нас есть «святые» страницы его «Войны и мира» — дуб, небо над Аустерлицем, смерть Пети Ростова, воспринятая и пережитая его родителями, приход Наташи к умирающему князю Андрею. Все это мне хотелось читать в концертах. Но мне все время казалось, что не смогу справиться с этой задачей хотя бы по внешним и внутренним моим актерским данным.

Позже я все же решился. Читал фрагменты из «Отрочества» — страницы, связанные с Карлом Ивановичем, правда, то был характерный образ. Но, читая их и отрывок из «Детства», я пришел к выводу, что был неправ, боясь читать толстовскую прозу. Потом появилась роль и на театре — Аким во «Власти тьмы». И, наконец, пришли мне новые испытания и трудности — воплотить образ самого Толстого в последний период его жизни — в «Возвращении на круги своя».

Правда, мне казалось, что, может быть, моя огромная любовь к Толстому мне поможет, сослужит добрую службу. И вряд ли что-нибудь получилось бы без помощи режиссера Бориса Ивановича Равенских, который двадцать два года назад так же помог мне осуществить на сцене образ Акима.

В этой работе — трудной и кропотливой — все было «нельзя». Показать мудрость? Нельзя. Нравоучительность или простоту, которая может обернуться простенкой и принизить сам об-

раз? Величие? Но играть только «памятник», «вещать»... было опасно. Внешне сыграть доброту и неоснованно сделать его добряком? Сыграть его пессимизм, обреченность в своем одиночестве? Его переживания в связи с уходящей жизнью... Все нельзя. Даже когда я держал карандаш, то чувствовал, что пишу я, а не Толстой.

Но потом все сосредоточилось на жизни его духа. Это все внутри него — бурность эмоций, молчание. И когда во мне ожили мысли Толстого, тогда все в какой-то степени стало можно. Я мог негладуше молчать. Говорить тихим голосом, не компрометируя его энергию,

сохранившуюся в нем. И я почувствовал главное, профессиональное назначение актера: нести мысль и душу Толстого на публику, которых не заслонили бы актерская «техника», интонации, «актерские находки».

В этих поисках мне помогли и режиссер, и драматург И. Друцэ, который взялся за сизифову работу, написав не бытовую пьесу, а пьесу — балладу, ограниченные документальным материалом не в живой речи, а в виде высказываний из писем, печатных выступлений и т. д.

Все трудности преодолела любовь к Толстому, проникновение в его внутренний мир и «жизнь» в нем. Во время этого проникновения и этой трудной, кропотливой работы пришлось перевернуть много материала, вновь не только встретиться с гениальным писателем, но и вникнуть в его взгляды, его психологию. И произошло весьма существенное в моей жизни — пришло окончательное убеждение, что самое важное в актерской профессии — это передать жизнь человеческого духа, а форма, без которой не может быть художественного произведения, не должна превалировать, мешать и отвлекать от великих мыслей и суждений Толстого. Словом, я почувствовал, несмотря на свой возраст и опыт, в работе над «Возвращением на круги своя» свой профессиональный, а главное, человеческий рост.

В какие-то моменты жизни сам Толстой мне помогает. Так было, когда работалось. Так осталось, когда работа позади. Появилось более острое ощущение мелочности

приходящих обстоятельств жизни, многое передумалось, переосмыслилось. И думается, что влияние творчества Толстого в таком смысле на людей в наши дни огромно.

Богатства художественных впечатлений, которые дает Толстой как художник, чрезвычайно нужны и в наши дни для воспитания подрастающего поколения: любовь человека к человеку и ко всему живому в окружающем его мире, распознавание и воспитание чувства благородства и чести, отвращения ко всяческой лжи и ханжеству.

Еще одна сложность в судьбе Льва Николаевича, нашедшая отражение в пьесе. Его отчаяние и страдание вызваны тем, что сам он не

отлучен от церкви. Он признавал «бога» в себе, признавал его как человеческую совесть. Но понятие «совести» для многих хрупко и растяжимо. Порой такая «совесть» начинает незаметно служить дьяволу-демагогу, также живущему в нас, а не «богу». Я знал парня, который говорил: «Я могу украсть сапоги, но не украм их. А потом совесть меня долго мучила».

Работа над спектаклем велась нами дружно, но споров в такой теме, естественно, возникало много, и они были очень для нас полезны.

Однажды в период нашей работы с драматургом я напомнил И. Друцэ, что вышли воспоминания Т. Л. Сухотиной, дочери Толстого, в которых есть такой эпизод. Както Толстого спросили, мог ли он, так яростно отстаивающий непротivление злу, убить того, кто посягнул бы на жизнь его семьи. Толстой ответил: «Наверно мог бы». А как же тогда ваше учение? И ответ: «Наверно я бы забил о нем в то время».

Я советовал Друцэ вставить этот диалог в пьесу. Это было бы, на мой взгляд, хорошо принято нашим зрителем, ибо толстовская идея «непротivления» не очень понята в широкой аудитории. Но драматург сказал, что Толстой близок ему больше, когда борется против убийства, чем когда оправдывает его. И точка зрения писателя, честного и доброго ко всему живому, была понятной и убедила нас.

В наше время надо понять и осмыслить идею «непротivления злу» Толстого. Вроде бы он зовет к непротivлению? Нет, зовет к борьбе с злом, удобным, к борьбе с целым рядом несправедливостей, с пережитками прошлого, которые мучили Толстого и которые не до конца еще изжиты в наши дни. Противоречия Толстого, которые иной раз затрудняют понимание его мыслей, но тоже будят наши раздумья.

Толстой говорил, что истинное знание всегда самостоятельно. Эти слова его нужно понимать очень широко. Они призывают людей мыслить, иметь свои суждения, зовут к переоценке и к свежему восприятию целого ряда явлений в нашей жизни.

Наверное, самое ценное, что получает человек от общения с книгами Толстого, с его героями, шагнувшими в нашу жизнь, и есть то, что они не оставляют никого равнодушным и безучастным, заставляют думать о жизни. Словом, оказывают большое человеческое влияние на личность.

Игорь ИЛЬИНСКИЙ,
народный артист СССР,
Герой Социалистического
Труда.

ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗДУМЬЮ

мог полностью воплотить в жизни то, что говорили проповедовал.

Эти обстоятельства и эти переживания Толстого наводят на раздумья о том, что сегодня каждый человек, пропагандирующий и проповедующий коммунистические идеи, должен в своей жизни быть истинным коммунистом, показывать эти принципы на своем примере. Не выделяться и не отделяться от людей в своем быте, быть с ними, так сказать, на равной ноге.

Многим людям и в наши дни свойственно увлечение чем-то отличаться от других. Это отличие, по их мнению, может заключаться в известной роскоши, в желании пощеголять по своему вкусу тем или иным в жизни. «Престижность» превращается в самодовольство и в стремление стать выше других. А истинное отличие возможно только в делании добра, в том, чтобы приносить пользу людям и обществу. Единение людей должно быть на идейной и братской основе. Иной раз называют иронически наше время эпохой личных контактов. Это уже единение другого порядка, то есть то, что раньше называлось протекцией, а после революции «блатом».

Еще одна тема, навеянная соприкосновением с мыслями Толстого. Равнодушие. Толстой зовет к борьбе с равнодушием. А в наши дни? Как много замечательного сделано в стране. Но равнодушие еще есть, это ужасная плесень, с которой нельзя не бороться.

Конечно, не все просто и однозначно. Вот Толстой и его противоречия.

Толстой, как известно, был